

Антиграв!

Андерс нащупал пульт и сдвинул регулятор веса, чтобы стать легче. На мгновение ему показалось, что огромная масса птиц не даст ему подняться, но, хотя толпа ворон была плотной, она не смогла сдержать его. Он поднялся и полетел, плывя с нарастающей скоростью, как только препятствия были устранены. Он быстро выровнялся, а затем снова опустился.

Крики скальных ворон сменились на подозрительно торжествующие, и Андерс повернулся, чтобы посмотреть, сколько повреждений они нанесли его планеру. К счастью, обычная склонность Брэдфорда Уиттакера экономить на всём, кроме антропологии, не победила, когда он выбирал планер для своего сына. Высокотехнологичные ткани были помяты, но в основном остались нетронуты.

— Вау! — голос Тоби был первым, что услышали восстановившиеся уши Андерса. — Это было здорово.

— Хорошо, что ты так быстро выбрался оттуда, — сказал Чет. — Ты хорошо думаешь в аварийной ситуации — и без неё тоже, теперь, когда я думаю об этом.

Его тёплая усмешка поразила Андерса, пока он не понял, что то, что было для него ужасным испытанием, вероятно, длилось не более нескольких секунд. Павлиньи крики скальных ворон исказили его чувство времени больше, чем чувство равновесия.

— Ты в порядке, Андерс? — в голосе Джессики было глубокое беспокойство. — Они не повредили глаза или что-то ещё?

— К счастью, на мне были лётные очки, — ответил Андерс. — Они определённо целились мне в глаза. Умные маленькие монстры.

— Приземляемся на базе, — твердо сказала Кристина. — Нам лучше убедиться, что ты и твой планер не получили реальных повреждений.

Андерс думал возразить. С включённым антигравом он не мог упасть, даже если его планер повреждён, но он знал этот тон. Если он будет спорить, Кристина просто попросит Чета помочь схватить его и потащит за собой. Чет, вероятно, подумает, что это забавно.

Когда они приземлились, девушки заохали из-за отметин от клювов на его лице. Когда Андерс взглянул на себя в карманное зеркало Кристины, он не мог спорить. Он выглядел довольно плохо, все его лицо было покрыто кровью и полосами того, что, как он думал, вероятно, было птичьим помётом. Помёт был не только на лице. Как и перья... К нему прилипли кусочки пуха и более длинные перья с крыльев, свидетельствующие о том, насколько яростными были скальные вороны, защищая свою территорию.

Андерс взял одно из более крупных перьев и покрутил его на свету, отмечая, как цвета переходили от голубого к коричневому.

— Что ж, я думаю, что-то хорошее из этого вышло, — сказал он. — Мы можем собрать образцы для биологов СЛС. У кого-нибудь есть маленький мешочек?

— Я одолжу из запасов Храбреца, — сказала Джессика.

На Сфинксе даже дети знали, как подготовиться к чрезвычайным ситуациям. В грузовике Чета была аптечка, другая — в машине Джессики. Свежая вода тоже не была проблемой. В течение относительно короткого времени Андерс был вычищен и признан годным к дальнейшим действиям.

— Ну, — философски сказал Тоби, — по крайней мере, теперь мы знаем, что скальные вороны будут сопротивляться. Интересно, не это ли имел в виду Карл, когда сказал, что мы должны держаться от них подальше?

— Теперь ты вспомнил? — саркастически заметил Андерс.

— Ну, — сказал Тоби, красноречиво пожав плечами. — Я думал, он просто беспокоился о птицах. Ты знаешь, какие они со Стефани. Природа превыше всего.

— Ты прав, — согласился Андерс. — Так как мне получить эту штуку? Очевидно, будет не так просто схватить её. По какой-то причине эти идиотские вороны решили, что хотят сохранить её.

— Я думаю, — сказала Джессика, — это из-за цвета. Стефани выбрала его, потому что он был близок к цвету тех шестикрылов, которые вы двое видели здесь. Интересно, не думают ли скальные вороны, что это самое большое скопление шестикрылов, которое они когда-либо видели, а ты хочешь его отнять.

Андерс засмеялся. — Спорю, ты права. Если они используют зрение для охоты, цвет значит для них больше, чем то, что пакет Стефани не того размера и запаха, и всё такое.

— Не будь к ним слишком строг, — сказала Кристина. — Ведь не так давно здесь было много шестикрылов. У них есть причина надеяться.

Чет кивнул. — Это можно использовать. Что, если мы подождём до темноты? Если скальные вороны для охоты используют зрение, то, скорее всего, они лягут в постель или сядут на насест, или что там птицы делают ночью.

— Это хорошая идея, — сказал Андерс. — Как вы думаете, мы не должны сообщить Харрингтонам? В смысле, я не уверен, что им понравится идея ныряния с утёса после наступления темноты.

— Я бы не стала их беспокоить, — сказала Джессика. — Стефани всегда говорит, что лучше

ничего не говорить, если ты думаешь, что кому-то не понравится правда. Мы довольно далеко от их дома. Если мы не задержимся до утра, всё будет в порядке. Подождём, пока скальные вороны не затихнут, а потом пошлём кого-нибудь...

— Меня! — настоял Андерс, увидев, что Тоби уже готов вызваться добровольцем. — Это всё ещё мой квест. Я просто воспользуюсь антигравом, чтобы спуститься. Нет проблем.

— То же самое ты говорил в прошлый раз, — проворчал Тоби, но больше не возражал.

* * *

На этот раз план сработал. Скальные вороны даже помогли, уйдя в аккуратные дырочки в скале, как только свет начал терять свой блеск. Они немного подглядывали, когда Андерс пролетал мимо, но, похоже, не чувствовали желания преследовать его.

"Может, они думают, что я сова-кондор или что-то похожее", подумал Андерс. "Они знают, с кем биться. Из этого можно вынести неплохой урок. Совсем неплохой".

* * *

— Вау, удивительно, что это случилось со скальными воронами, — сказала Стефани в камеру, записывая своё последнее сообщение Андерсу. — Я понятия не имела, что они так отреагируют. Джесс написала мне о том, что произошло, и по её рассказу ты был великолепен — и не всё вышло из-под контроля, как ты говорил во вчерашнем сообщении.

— Я действительно рада, что вам с Джессикой понравилась моя идея, чтобы Джессика работала с экспедицией. Джесс сказала, что на самом деле у неё сложилось впечатление, что главный рейнджер Шелтон почувствовал облегчение, когда она — я имею в виду Джесс — вызвалась дать интервью и позволить ксеноантропологам встретиться с Храбрецом. Ты знаешь, как Ирина защищает свободное время Скотта, но главный рейнджер Шелтон не из тех, кто предполагает, что Джесс автоматически доступна только потому, что ей всего пятнадцать. И ей, и её семье пригодится эта плата. Думаю, со стороны твоего отца это был хороший ход.

Стефани вздохнула, думая о том, как она хотела бы, чтобы ей не пришлось делегировать именно эту задачу. Она, конечно, была рада, что Джессика сможет пополнить бюджет своей семьи, но всё же...

— Работа на курсе интенсивна настолько, насколько нас и предупреждали. Мы не пробыли на планете и двух часов, как в наши уники была загружена куча учебного материала.

Она продолжила описание некоторых материалов, начиная от социальных обычаев и до базовой судебной экспертизы, с большим количеством ботаники и зоологии посередине.

— ...итак, нас зачислили на полный курс. — Стефани хихикнула. — Бедный Карл обнаружил, что здесь, в Лэндинге, ещё жарче, чем он думал. Я думала, он растает прямо у меня на глазах,

но даже кондиционер здесь установлен на большую температуру, чем дома! Для Львиного Сердца это тоже плохо, но я думаю, что папа прав насчет того, как работает механизм линьки котов. Львиное Сердце линяет как сумасшедший с тех пор, как мы приехали сюда, и это, должно быть, из-за высокой температуры. Моя комната в общежитии выглядит постоянно как в метели из-за этой всей потерянной им шерсти! Но лабораторные работы хороши, и видео намного лучше, чем я думала. Мне нравится моя комната в общежитии, даже с учётом того, что она могла бы быть и побольше. Со всем этим пространством здесь, в кампусе, они могли бы предоставить мне более одной комнаты! Но я думаю, это действительно всё, что мне и Львиному Сердцу нужно.

Львиное Сердце вскочил на спинку её стула, словно привлечённый звуком своего имени, и пошевелил усами в камеру через её плечо. Она засмеялась и потянулась, чтобы почесать его под подбородком, затем вернулась к сообщению.

— Я бы хотела позволить ему больше бегать в одиночку, но декан Чартерман — она декан студентов университета — заставила меня пообещать, что я не выпущу его одного. Она говорит, что это для его собственной защиты, но я думаю, её мало волнует, в какие проблемы он может попасть... или вызвать. — Она поморщилась, затем пожала плечами. — С другой стороны, возможно, она беспокоится о заражении. Я знаю, что некоторые до сих пор нервничают по поводу того, насколько свободно мы позволяем людям перемещаться между планетами в Звёздном Королевстве, и я думаю, что некоторые из них боятся, что Львиное Сердце может быть, например, переносчиком болезней или паразитов.

Выражение лица сделало её мнение об этом конкретном типе беспокойства очевидным, но затем она покачала головой с новой гримасой.

— Думаю, это неудивительно после Чумы и всего остального, — признала она, пытаясь быть хотя бы немного справедливой. — Но можно надеяться, что все проверки и медицинские осмотры, которые они проводят, помогут людям пройти через это. Во всяком случае, черт возьми, так должно быть!

Она смотрела сердито, почесывая подбородок Львиного Сердца и размышляя о таком невежественном отношении.

— Мы встречались с нашими профессорами, — продолжила она затем. — Доктор Глисон официально только глава отдела, но у меня сложилось впечатление, что он в значительной степени руководит Школой лесного хозяйства, и я не думаю, что он очень рад нас видеть. — Она фыркнула. — Похоже, он решительно настроен держаться как можно дальше от Львиного Сердца, что, на мой взгляд, просто глупо. Он должен преподавать лесоводство и даже не хочет встречаться с древесным котом? — Она снова фыркнула, громче. — С другой стороны, доктор Флуре — председатель колледжа криминологии, и я почти уверена, что он хороший парень. Похоже, он старый друг доктора Хоббард и хорошо отзывается о шефе Шелтоне.

Она замолчала, не совсем уверенная в том, что сказать дальше, и почувствовала внезапное жжение в глазах. Она знала, насколько Андерс заинтересован во всём, что она ему говорит, но не хотела рассказывать ему об этом, а хотела показать, потому что это значило бы, что он прямо здесь, на Мантикоре, где была она!

Она на мгновение прикусила губу, затем глубоко вздохнула и заставила себя улыбнуться.

— Тем временем мы с Карлом осмотрели столовую. Ты знаешь, как я люблю поесть, и, к счастью, здесь довольно много сфинксиан с таким же метаболизмом, как у меня. По крайней мере, они не собираются морить меня голодом между официальными трапезами! А кроме того...

Она замолчала. Как бы ей ни хотелось как-то сделать, чтобы Андерс был рядом с ней, она знала, что желания для этого мало. Вместо этого она вернулась к тому, что действительно её беспокоило.

— Я с интересом — ладно, немного с испугом — узнала, как много у тебя было проблем с получением пакета от скальных ворон. Я не думаю, что что-то может пойти не так с остальным, по крайней мере, я очень надеюсь, что нет... Опиши мне каждый шаг, хорошо?

Она хотела сказать больше, сказать, насколько веселее было бы, если бы он был рядом с ней, но она боялась, что не сможет. Вместо этого она послала воздушный поцелуй камере. — Скучаю по тебе... Очень...

* * *

Зоркий Глаз был очень обеспокоен. Последние несколько дней он искал место, куда мог бы отправиться его клан, мысленно переименованный им в Безземельный клан. Учитывая враждебность, проявленную Бичом Пловца, Зоркий Глаз считал, что путь в низины небезопасен. Будь его воля, он бы повёл остатки клана на территорию Яркой Воды и положился бы на известную щедрость этого клана. Однако старейшины его клана — к сожалению, большинство среди выживших — твёрдо выступали против этого.

<Лучше мы умрём все до одного,> сказал старый Кислый Живот, который был одновременно и самым старшим охотником, и лучшим обработчиком кремня в клане, <чем будем испорчены двуногими, как Яркая Вода.>

То, что Кислый Живот давно миновал свои лучшие охотничьи дни, ничего для него не значило — не больше, чем то, что его нынешнее имя произошло от того, что он был достаточно старым, и его пищеварение было не таким, каким оно было раньше. Он рассматривал эту немощь как показатель своего преклонного возраста, а преклонный возраст — как достаточную причину для того, чтобы его мнение было важнее, чем у кого-либо другого.

Зоркий Глаз не мог согласиться, но, если не считать того, что клан еще больше сократился — и лишился своего источника каменных орудий — у него не было выбора. Если бы Чуткие Уши или кто-нибудь из других певиц памяти выжил, они могли бы переспорить старейшин, но Крошечный Хор была ещё маленькой, слишком молодой, чтобы быть признанной взрослой, не говоря уже о том, чтобы стать певицей памяти клана.

Зоркий Глаз также был ограничен в своей способности выражать своё мнение, потому что до пожаров он был среди молодых разведчиков. То, что многие старшие, в том числе его

любимая учительница, погибли в поисках путей, которые позволили клану отправить по крайней мере пожилых и котят в безопасное место, не помогало Зоркому Глазу. Теперь он был самым старшим разведчиком... но — по крайней мере, в умах таких, как Кислый Живот, — не потому, что он заработал это звание, а потому, что он слишком заботился о своей жизни, чтобы умереть.

Решение — если какое-то решение можно было считать принятым, а не просто необходимым из-за постепенного наступления холодной погоды — заключалось в том, чтобы перейти к нижним областям их владений и надеяться на лучшее. Зоркий Глаз подозревал, что по мнению клана Окутывающих Деревья они уже нарушили границы их территории, но до сих пор ко вторжению относились терпимо. Зоркий Глаз не мог знать, сколько ещё времени — или насколько далеко — их вторжение будут терпеть.

Он мог только надеяться, что хрупкий период милосердия продлится, пока они не смогут найти себе новый дом.

* * *

Хотя товарищи предложили Андерсу помощь в его охоте за сокровищами, ни одна другая загадка не предполагала того же уровня угрозы. Вероятно, наиболее "опасным" испытанием было то, что Андерс оказался на сгоревшем острове, где Стефани и другие боролись за спасение клана Храбреца. Однако опасность, которую представлял собой остров, была связана больше с людьми, нежели с окружающей средой. Он граничил с землями, принадлежащими семье Франчитти — семье, которая считала, что животные предназначены для охоты, стрельбы и заключения, а не для того, чтобы их беречь. Они уже получили несколько выговоров за злоупотребление как флорой, так и фауной. В результате они стали очень осторожно относиться к тем, кто пересекал их воздушное пространство.

Но Андерс аккуратно держал свой аэрокар в границах общественных земель и, хотя там могло быть несколько раздраженных Франчитти, которые просто ждали его, чтобы пригрозить, он не дал им повода вмешаться.

В конце концов его приз стоил каждой минуты его усилий, хотя, как он писал Стефани, охота сама по себе была подарком.

— Казалось, ты была рядом со мной, — диктовал он, подбирая каждое слово. — Я мог чувствовать тебя здесь, рядом с собой. Иногда ты казалась такой близкой, что я чувствовал, что если потороплюсь, то увижу тебя, смогу потянуться и взять тебя за руку.

Он хотел сказать больше, но было труднее говорить о том, как сильно ты хочешь поцеловать свою девушку, чем сделать это. Странно.

Подарок Стефани был одновременно романтическим и практичным, как и сама девушка — ремешок для его нового унилинка. Она сделала его сама в семейной мастерской и написала на ремешке так, чтобы слова были обращены к его запястью: "Андерсу от его Стеф. Пустота между мирами не может разделить сердца".

* * *

Отец усмехнулся, когда Андерс показал ему свой ремешок.

— Не могу сказать, что очень удивлён, — сказал он, восхищаясь старательной работой. — Она спросила меня, что мы тебе подарим. Довольно талантливая молодая леди. Я определенно хотел бы, чтобы она была сейчас на планете.

Несмотря на другие изменения в отношениях, Андерс сомневался, что его отец хотел этого потому, что так глубоко разделял эмоциональную жизнь своего сына, поэтому спросил:

— Всё ещё расстроен из-за этих едущих антропологов? Ты узнал о них что-то, что поможет с ними справиться?

— Немного, — мрачно ответил доктор Уиттакер. — Прошло уже двенадцать дней, но, учитывая задержки в межсистемных коммуникациях, всё, что у нас есть, это то, что мы взяли с собой, и то, что было в записях мантикорцев. Мы с Лэнгстоном конечно же сопоставили информацию, которую послала нам Сонура Хоббард, с нашими собственными исследовательскими библиотеками.

— И?

— И если это те самые люди, которые написали обнаруженные нами статьи, то мы не можем не выказать им хотя бы профессиональное уважение.

Андерс понимал, почему его отец добавил задумчивое "если". К Теннесси Больгео не относилась ни одна из вещей, указанных в его академических удостоверениях. Однако было бы слишком — надеяться, что одно и то же произойдёт дважды и спасёт экспедицию Уиттакера от нежелательных новичков.

— На самом деле, — вздохнул отец, — мы были бы идиотами, если бы не предложили им разумный объём доступа. Доктор Радзински пользуется большим уважением за её работы по негуманоидному интеллекту. На мой взгляд, она немного консервативна, но вряд ли можно представить, что она не будет интересоваться развитием здешних исследований.

— Она приедет не одна, не так ли?

Отец покачал головой.

— При других обстоятельствах я был бы только рад встрече с Гэри Идальго. Он разделяет мой интерес к археоантропологии. Имей в виду: я не согласен со многими его выводами, но он определенно знает своё дело. Он очень серьёзно относится к сохранению культур коренных народов в их изначальном состоянии, так что я уверен, что он будет не в восторге от того, что СЛС дала некоторым древесным котам ножи и топоры. Он определенно будет защищать их от вмешательства.

Андерс не думал, что это так уж плохо. — Кто-то ещё?

— С ними приедет специалист по лингвистике. — Отец нахмурился. — Я попросил Кесию Гайен проверить его, и её сразу же затрясло. Судя по всему, этот Рассел Дарролин является передовым специалистом в исследованиях невербальной коммуникации.

Андерс почувствовал вспышку беспокойства. Он знал, что Стефани и Скотт с самого начала сомневались, будет ли хорошо, если древесные коты будут признаны такими умными, какими они были на самом деле. Людям лучше привыкнуть к ним, полюбить их, прежде чем им придется столкнуться с несомненной угрозой интересам людей, которую может представлять иной разумный вид.

— Все же лингвист — это хорошо, правда? — сказал он. — Я имею в виду, что Кесия не смогла найти никаких доказательств того, что древесные коты используют сложное вербальное общение. Может быть, этот доктор Дарролин будет смотреть свежим взглядом.

Доктор Уиттакер прищёлкнул языком. — Я не уверен, что предоставление таких доказательств будет его целью. Кесия говорит, что у этого Дарролина определенно пунктик по поводу форм общения, в которых слова не объединяются в аккуратные предложения.

— О как. Но ты сказал, что он специалист по невербальному общению?

— Да. Но по сути Дарролин очень ограничен в том, что именно признавать жизнеспособной формой общения. Кесия сказала, что, по её мнению, он сомневается, что даже он общается, за исключением того неоспоримого факта, что он получает ответы.

Андерс моргнул. Сама идея вызвала у него головную боль. Он слышал о специалистах, которые были чрезвычайно осторожны, но это казалось уже слишком. Тем не менее, хорошо было то, что доктор Дарролин не собирался немедленно прийти к выводу что, поскольку древесные коты были телеэмпатами, они также были телепатами. На самом деле казалось, что Дарролину нужно было доказать себе даже то, что коты были телеэмпатичны, несмотря на множество существующих доказательств.

— Ктонибудь ещё?

— Никого, столь же важного, — сказал доктор Уиттакер чуть более счастливым тоном. — Конечно, у каждого из них есть один или два помощника, но ни один из них не имеет такого же уровня престижа.

— Ну, папа, я уверен, ты прекрасно справишься.

— Все же, — сказал доктор Уиттакер, — я рад, что миз Ферисс вызвалась заменить Стефани. Теперь она может проводить свое время, разговаривая с этими людьми, а я займусь моей

работой.

* * *

— Итак, миз Харрингтон, — сказал доктор Глисон, глядя на неё, склонив голову набок, — что вы можете сказать мне о частокольном дереве?

Глисон был худощав, с каштановыми волосами, карими глазами и суетливыми манерами. Он не выказывал этого, но Стефани была почти уверена, что он не считал хорошей идеей позволить паре детишек вне очереди занять два места в Лесной школе. Не то чтобы его классы были переполнены, насколько она могла видеть. В конце концов, на этом курсе лекций было всего восемнадцать человек, считая её и Карла. И ей не очень понравилось, как он подчеркивал "миз" всякий раз, когда говорил с ней. Она слышала этот покровительственный тон от слишком многих взрослых.

— Частокольное дерево — общее название для по крайней мере шести видов рода *Neo ulmus Sphinx*, — ответила она, — хотя *ulmus* — это от неправильного названия, применённого первой исследовательской группой. Оно не очень похоже на вяз Старой Земли; скорее на что-то среднее между ивой Старой Земли и ясенем с Беовульфа. Наиболее распространёнными видами являются серое, желтолистное, горное, магнолиевое и узколистное частокольное дерево. Они значительно различаются по внешнему виду, особенно осенью, но все они образуют явный таксономический род. Частокольное дерево — листопадное и необычно тем, что размножается вегетативно, а не половым путем, используя побег, находящийся значительно выше уровня земли. Побеги отличаются от обычных ветвей частокольного дерева тем, что они всегда образуются группами по четыре, под прямым углом друг к другу и растут горизонтально. Они отходят на расстояние от десяти до пятнадцати метров и образуют придаточные почки, которые развиваются в узлы, распространяющие корни вертикально до уровня земли. Каждый корень затем превращается в новый "главный ствол", продолжая исходное растение и распространяя собственные побеги. Иногда побег сталкивается с другим побегом, от другого частокольного дерева, и в этот момент они сливаются, посылая корень вниз из новой точки соединения. Из-за этого трудно сказать, где начинается одно дерево и кончается другое — и заканчиваются ли они когда-нибудь на самом деле. Исследования показывают, что сливающиеся побеги имеют общий генетический материал при укоренении своего корня, а ствол, который развивается из этого корня, не является клоном одного из родителей, а представляет собой новую особь, хотя физически связан с обоими деревьями, из которых он возник. Есть предположение, что...

— О, хватит, миз Харрингтон, — прервал его Глисон. Его глаза расширились, когда она оттащила своё описание, и краем глаза она увидела, что Карл отважно пытается подавить ухмылку. Она надеялась, что Глисон не смотрит на него, и обаятельно улыбнулась профессору.

Он ответно смотрел на неё несколько секунд с задумчивым выражением лица, и она обнаружила, что хотела бы (не в первый раз), чтобы ей разрешили привести Львиное Сердце в класс. К сожалению, Глисон был одним из преподавателей, которые считали, что древесный кот окажет "разрушительное влияние" на его класс. Она не была уверена, но подозревала, что он также был одним из тех, кто считал, что у древесных котов слишком малая масса тела, чтобы поддерживать мозг, достаточно большой для настоящей разумности.

"С другой стороны он, очевидно, думал, что я тоже не очень разумна", подозревала она. Это было то, что её мать назвала бы "придиркой", но ей было всё равно.

Очевидно, он не обратил внимания на то, кем были её родители, если думал, что сможет смутить её таким простым вопросом.

— Хорошо. — Глисон встряхнулся и обратился к классу в целом. К счастью, Карл успел вернуть контроль над выражением своего лица.

— Как миз Харрингтон так... компетентно описала, частокольное дерево имеет весьма необычный способ воспроизводства. Это дает определенные очевидные преимущества для выживания, но также подвергает всю систему частокольного дерева угрозе болезней и паразитов. Как показали недавние события на Сфинксе, есть и дополнительные недостатки, такие как восприимчивость к пожару, но скорость, с которой растёт и распространяется частокольное дерево, действительно весьма примечательна. Поскольку частокольное дерево настолько широко распространено и занимает центральное место в древесной биосистеме Сфинкса, и поскольку больше половины из вас вернётся на Сфинкс после того, как прослушает курс здесь, я подумал, что для класса было бы хорошей идеей, если бы мы начали с рассмотрения этих преимуществ и факторов риска.

— Теперь, миз Телфорд, основываясь на том, чем с нами поделилась миз Харрингтон, как бы вы описали...

* * *

— Я думала, что челюсть старины Глисона упадет на пол, Стеф! — засмеялась Кармен Телфорд, когда она, Стефани и Карл направились на следующий урок.

— В любом случае, в чём его проблема? — спросил Карл, и Кармен пожала плечами.

Ей было около двадцати пяти лет, по крайней мере, она была на пять или шесть стандартных лет старше Карла и, как и он, родилась на Сфинксе. Её отцом был Эдуардо Телфорд, барон Королевского Дуба, и он, и её многочисленные дяди и тёти владели несколькими тысячами квадратных километров девственного леса. Они намеревались разрабатывать ресурсы древесины, но также хотели быть уверенными, что не разрушат среду обитания, и Кармен была здесь, на Мантикоре, чтобы изучить лучшие методы лесоводства для восстановления лесов и устойчивого производства древесины. Несмотря на разницу в возрасте и на то, что Стефани была дочерью простого йомена, они хорошо ладили.

— Я не совсем уверена, — сказала она, — но если бы мне пришлось угадывать, я бы сказала, что, вероятно, он считает, что вы двое появились здесь только благодаря связям. Не думаю, что кто-то здесь, на Мантикоре, обращал много внимания на новости, когда вы, ребята, работали на лесных пожарах этим летом. Во всяком случае, Глисон — наверняка нет!

Она поморщилась.

— Он знает, что твой отец — барон, Карл, и я думаю, он полагает, что твой отец дергал за ниточки, чтобы привести тебя и твою маленькую подружку сюда, — она повернула голову к Стефани с ухмылкой, которая убрала укол из "маленькой подружки", — на места, которые должны были достаться кому-то другому. Боюсь, он не очень серьезно относится ко всему, что касается темы "рейнджера-стажера". Но Стеф неплохо ему выдала, не так ли?

— Я не должна была этого делать. — Стефани со вздохом покачала головой. — Мама мне всё время говорит, что на мёд ловится мух больше, чем на уксус.

— Эй, я знаю твою маму! — сказал Карл, хлопнув ее по плечу. — Если бы она слышала этот его высокомерный тон, она бы стояла в конце комнаты и подбадривала тебя, ты знаешь!

"Вероятно, он прав", решила Стефани. И даже если не так, было приятно, что он на её стороне. Конечно, это то, что, как она обнаружила за последний стандартный год или два, друзья делают друг для друга, и она тепло ему улыбнулась.

— Ну, по крайней мере, мама не побила бы меня за это, — признала она. Затем она посмотрела на время в своём унелинке, и её глаза расширились. — Черт! Мы опоздаем на занятия, если не поторопимся! Пошли!

<http://tl.rulate.ru/book/45520/1077062>